

Эрик-Эмманюэль Шмитт —
мировая знаменитость, это один из самых читаемых
и играемых на сцене французских авторов.

Эрик-Эмманюэль
ШМИТТ

ДНЕВНИК
УТРАЧЕННОЙ
ЛЮБВИ

Фантастически точный,
поразительный и проникновенный текст!

Femme actuelle

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

Содержание

[Книги Э.-Э. Шмитта](#)

[Выходные данные](#)

[Дневник утраченной любви](#)

Эрик-Эмманюэль
ШМИТТ

КНИГИ Э.-Э. ШМИТТА

Секта Эгоистов. Распутник
Евангелие от Пилата
Другая судьба
Как я был произведением искусства
Улисс из Багдада
Женщина в зеркале
Попугаи с площади Ареццо
Эликсир любви
Яд любви
Оскар и Розовая Дама
Мсье Ибрагим и цветы Корана
Дети Ноя
Борец сумо, который никак не мог потолстеть
Десять детей, которых никогда не было у госпожи
Минг
Одетта. Восемь историй о любви
Мечтательница из Остенде
Концерт «Памяти ангела»
Два господина из Брюсселя
Кики ван Бетховен
Театр
Ночь огня
Человек, который видел сквозь лица
Мечь и прощение
Миларепа
Феликс и Незримый источник
Мадам Пылинска и тайна Шопена
Дневник утраченной любви

Эрик-Эмманюэль
ШМИТТ

ДНЕВНИК
УТРАЧЕННОЙ
ЛЮБВИ

Издательство «Иностранка»
Москва

Éric-Emmanuel Schmitt
JOURNAL D'UN AMOUR PERDU
Copyright © Éditions Albin Michel — Paris 2019

Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency
& Associates

Перевод с французского Елены Клоковой

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

Шмитт Э.-Э.

Дневник утраченной любви / Эрик-Эмманюэль Шмитт ; пер. с фр. Е.
Клоковой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020.

ISBN 978-5-389-18672-9

16+

Два с лишним года Эрик-Эмманюэль Шмитт пытался осознать и принять немислимое: внезапную смерть женщины, которая родила его на свет. На этих страницах рассказывается о его «долге счастья»: долгой, ожесточенной борьбе с печалью. Остаться безутешным было бы предательством по отношению к матери, ведь эта нежная, излучающая свет женщина наделила его вкусом к жизни, страстью к искусству, чувством юмора, поклонением радости. Писатель анализирует и боль потери близкого человека, и ту перестройку, которая происходит в нас, когда мы перестаем быть детьми своих родителей. В «Дневнике утраченной любви», как и в исповедальном эссе «Ночи огня», Шмитт через личное переживание, через «траур любви» постигает универсальные истины. Ему удастся превратить опыт смерти в великолепный урок жизни.

© Е. В. Клокова, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство Иностранка®

Мама умерла сегодня утром и впервые в жизни причинила мне боль.

Вечером, обессилив от слез, я испытываю странное чувство: не она покинула меня, а я ее бросил. Не нахожу себе места... Где она? Нуждается ли во мне?

Хочется побежать в ту неизвестность, где сейчас оказалась мама, поддержать ее, прогнать страх, обнять за плечи, подставить руку калачиком и прошептать на ухо: «Все приладится...» Наверное, она развеселится: мама всегда смеялась, когда я передразнивал жителей Шарлеруа. «Все приладится!» Мы пятьдесят шесть лет шли по жизни рука об руку и ощущали себя сильными и спокойными. Мы находились в центре вселенной, которая организовывалась, обустроивалась на наших глазах. Мама была моим путеводным светом, она сияла, и я — в ответ, мы чувствовали себя неуязвимыми, и сумрак расступался. Я был уверен, что после жизни мы вместе приручим смерть. Разве не так должно было случиться?

Мне невыносима мысль о том, что она может умереть без меня, хотя в конечном итоге каждый покидает этот мир в одиночку...

Мама уходит — одна. «Немыслимо брать сына в подобное путешествие!» — вот что она сказала бы. Мама рассталась с жизнью, как храбрый солдат, удалилась на цыпочках, никого не потревожив. Мать остается матерью до самого конца.

Как же я мог ничего не почувствовать на рассвете, в момент ее угасания?! Нас связывали теснейшие узы, ткань бытия вибрировала в такт нашему дыханию, чувство преодолевает шестьсот километров между Лионом и Брюсселем за секунду, а моя душа не отозвалась, интуиция спала, телепатия не сработала, жар не кинулся в лицо! Я проснулся счастливым, любовался золоченой зарей и сакурой, обещавшей розовое чудо, и тут раздался звонок...

Не понимаю: она перестала дышать, а я ничего не почувствовал.

Ничего.

И все — действительно ВСЕ — рухнуло.

Мама, ты умерла сегодня утром и впервые в жизни причинила мне боль.

Ты одаривала меня только нежностью, вниманием, уважением и поддержкой. Я унаследовал от тебя страсть к жизни, жажду восторга, желание действовать. У меня нет ни одного плохого воспоминания, остались лишь тепло, свет, радость. Не было случая, чтобы ты забыла улыбнуться, не услышала меня, рассердилась так сильно, что не смогла этого скрыть. Ты никогда меня не разочаровывала. Твоя любовь была великодушной и нерушимой.

Неужели все это исчезнет? Неужто Смерть-обманщица сумела нанести удар исподтишка чемпионке в спринте, легкоатлетке с крепким телом, чью силу пощадило даже время?

Мама умерла...

Я пишу эти слова, желая убедить себя в реальности случившегося, не поддаваться искушению списать печаль на кошмар.

Женщина выносила меня, родила, растила, сделала счастливым зрелым мужчиной, а убедившись, что я научился быть самостоятельным, сопровождала по жизни на расстоянии. Я отдаю себе отчет в том, что внутри так называемого взрослого всегда жил маленький мальчик, считавший свою мать могущественной красавицей, целительницей, способной победить даже Безносую. «Моя мама? Да она убьет Смерть!»

Сегодня этот мальчик умер.

Вместе с ней.

*

Был обычный день, но все изменилось.

Так случается сплошь и рядом: нам сообщают о смерти или рождении и реальность меняется навсегда.

*

Я в поезде, еду в Лион, где меня ждут родные по крови люди.

Внезапный звонок телефона... Я всегда ненавидел это промышленное, технологическое, пластмассовое лицо судьбы.

Вчера утро источало аромат весны — живой, сильный, густой, вибрирующий предвестник обновления. Три пса резвились в саду, залитом шафрановым светом солнца. Оно согревало бледную лужайку, подбадривало робкую сирень и обещало один из тех дней, когда обостряется жажда жизни и к вечеру мы чувствуем себя оглушенными силой собственных чувств. Я предвкушал долгие счастливые часы работы за письменным столом.

Я принял душ, проверил телефон и обнаружил несколько пропущенных звонков. У меня более чем прохладные отношения с этим «нарушителем покоя и личного пространства», так что я проигнорировал вызовы, открыл шкаф, достал одежду. На шум прибежали собаки, жаждущие поиграть, выхватили у меня носки и помчались по коридорам и лестницам: если хозяин надевает на ноги эти странные тряпочки, значит он сейчас обуется и пойдет с ними на долгую лесную прогулку...

Я бросил взгляд на экран: Флоранс набирала меня четыре раза! Сестра разделяет мое отношение к телефону, и я сразу подумал о худшем.

Она ответила мгновенно, и я услышал тяжелое, затрудненное дыхание.

— Ты звонила, Флоранс?

Она плакала. Я спросил, тревожась все сильнее:

— В чем дело?

— ...

— Что происходит?

— Мамочка... — выговорила Фло между двумя всхлипами.

И я понял. У моих ног распахнулся люк в другой мир — холодный, угловатый, неудобный, враждебный, где мы с сестрой станем вечными пленниками. Грянуло известие, которого я боялся пятьдесят лет: мама умерла. Так-то вот. Это случилось. Теперь. Сегодня. Кончено.

— Нет!

Я со стоном выдыхаю это слово, я не приемлю случившееся, хочу остановить маму, сходящую в бездну. «Нет!»

Дафна в панике — она еще очень молодая псина, ее пугает поведение хозяина. Я рыдаю, а она слизывает мои слезы, скулит, топчется вокруг меня, тычется мокрым носом в шею, твердо вознамерившись «починить человека». Я окончательно лишился сил и не отпихиваю Дафну, просто не могу себе этого позволить теперь, после смерти мамы, когда иссяк главный источник любви.

«Нет!»

И еще раз — «Нет!»

«Нет!» — и ничего больше. Дафна сопровождала меня до постели и, наплевав на строжайший запрет, легла поверх одеяла, как будто хотела сказать: «Я буду тебя лечить!» Дафна, маленькая и такая трогательная Дафна, смешная и великолепная.

Час спустя я выплакал первые слезы, обрел голос и позвонил близким. Брюно, Жизель, Ян, Майя — все очень быстро приехали, сменили Дафну на посту утешительницы и... так мало преуспели.

Да, я не одинок, но сумею ли двигаться вперед без

мамы?

«Следующая остановка: вокзал Шесси, Марна-ла-Валле».

Я сижу в кресле скрючившись, сжавшись в комок, смотрю на проносящийся мимо пейзаж и плачу. Мысли о маме вызывают потоки слез, они текут из-под затемненных стекол очков, и я вытираю лицо рукавом свитера.

Роскошная брюнетка в расцвете зрелой красоты подходит ко мне, молча смотрит несколько секунд, наклоняется и говорит:

— Мне очень нравятся ваши книги.

Женщина улыбается, как будто не замечает моего заплаканного лица.

— Я хотела непременно сказать вам это.

Очаровательная незнакомка исчезает. Она поняла? Все от начала до конца? Или ничего? Я совершенно потрясен кроткой ласковостью проявленного внимания. Деликатностью эта женщина похожа на мою маму... Я неслышно шепчу ей в спину: «Спасибо», но она уже выходит из вагона.

Рыдания сотрясают грудь, и я пытаюсь сдержать их, глядя через стекло на невидимую точку в небе. Проявление добрых чувств ранило меня, я почувствовал острую боль, какая бывает, когда случайно срываешь корку с незажившего ожога. Я ясно осознаю новую реальность: придется учиться жить дальше без мамы. Двигаться вперед, не рассказывая ей, кто какими словами похвалил меня. Получать подарки и не мчаться сломя голову, чтобы с детской гордостью показать их ей. Я больше не буду проживать жизнь «в пополаме» с мамой.

Я чувствую себя отупевшим.

Мама всегда расширяла масштаб моего существования до поэтических размеров. я проживал любое событие

дважды: один раз — чтобы насладиться, второй — чтобы дать ей почувствовать мельчайшие детали и нюансы. Я рассказывал, приукрашивая и возвышая, привирал, карауля мамину реакцию, и наслаждался ее хохотом. Делился, естественно, не всем — деликатность была неременной составляющей наших отношений, — но мама узнавала о моих встречах, чувствах, обидах, сожалениях и злобных сарказмах в пересказе. Пятьдесят лет у меня было два параллельных существования — реальное и повествовательное.

Теперь осталось одно — мое собственное. Прощай, «жизнь на двоих». Прощай, «жизнь, сотканная из слов».

По этой ли причине дневник со вчерашнего дня стал так важен для меня? Неужели он заменил *слово*? Слова, обращенные к матери...

«Следующая остановка: вокзал Креза-TGV»¹.

Я беру себя в руки. Довольно слез! И откуда они только берутся в таком количестве?

Мама уж точно не захотела бы видеть меня печальным и разваливающимся на части. Скажу больше: она почувствовала бы себя оскорбленной, решив, что оказалась несостоятельной на ниве воспитания.

Нельзя ее разочаровывать.

«Следующая остановка: Лионский вокзал Пар-Дье».

Я выхожу на перрон в моем родном городе Лионе, смотрю на часы и вижу дату: 28 марта.

Здесь, ровно пятьдесят семь лет назад, мама произвела меня на свет, а теперь я приехал, чтобы проводить ее до последнего пристанища.

Начался мой первый «сиротский» день.

Я теперь ничейный сын.

*

Час ночи. Никак не удается заснуть. Я согласился

переночевать у Флоранс — мне сейчас хочется быть рядом со старшей сестрой, которую я любовно называю деткой. Интересно, они с Аленом тоже мучаются бессонницей в соседней спальне? А мои племяшки Стефан и Тибо?

Займусь-ка я дневником, все лучше, чем ворочаться в постели, как сорвавшийся с привязи груз на палубе корабля, попавшего в шторм. Сажусь за узкий стол и начинаю перечитывать записи...

Дорога совершенно меня вымотала: Лион без мамы — не Лион. Таксист вез меня по улицам, не ведущим к ней, я взбирался на холм², где она больше не живет, смотрел на фасады домов, мимо которых она никогда не будет гулять, а совсем скоро позвоню в домофон — и не услышу ее веселый голос, подойду к квартире — и не увижу ее на пороге, с увлажненными глазами, облегченно вздыхающую: «Ну слава богу, добрался!»

Без мамы город вдруг показался мне пустым, нелепым, разрушенным. Его лишили головы...

Было так больно, что меня осенило: мама навечно покорила Лион, для меня город олицетворяла она, а не Дева Мария Фурвьерской базилики. Из своей величественной дозорной башни в Сент-Фуа-ле-Лион мама управляла кварталами, оранжево-розовыми крышами, колокольнями, куполами, извивами рек, ходом медлительных барж, дымящимися трубами, угрюмыми промышленными объектами. Она навязывала городу свою гармонию: речка сливается с рекой, как рука касается руки, два холма улыбаются друг другу, защищая сердце Лиона. Скажу больше — она раскрасила город в цвета, которые предпочитала в одежде: черепичный бледно-розовый, фасадный охристый, каменный жемчужно-серый, водно-металлический, небесно-лазурный. Мама обожала путешествия, увлекалась археологией и историей, возила меня в Грецию и в Италию, была неумоима в

походах через время и пространство, требовала, чтобы город предъявлял миру все эпохи: Галлию, Средневековье, Возрождение, классицизм, буржуазный девятнадцатый век, современность из стекла и бетона. Мама вдохнула в древнюю столицу галлов свою мудрость, слепленную из умеренности, скромности и безропотности женщины в возрасте, которая без истерик смирилась с пенсией и приглушала трагизм заката, наслаждаясь сиюминутными радостями.

Проезд по улицам и набережным подарил мне озарение: не мама уроженка Лиона — город происходит от мамы.

Лион, мой родной город? Лион, мой материнский город...

*

Могучее светло-желтое солнце раздавило вторник. Дивная погода приняла в свои объятия ужасный день.

В фильмах и романах пышная природа звучит в унисон с героями: французские кинорежиссеры не мыслят расставания без дождя, все агонии в романах случаются в бурю. В прошлом я рвал отношения под безоблачными небесами, а сегодня, в день маминой смерти, весна сияет всеми красками радуги. Космос равнодушен к моей тоске, и меня это скорее успокаивает, лишает значимости, доказывает, что душевное состояние одной человеческой особи в океане вселенной весит меньше самой маленькой капли.

Встреча с сестрой помогла мне успокоиться: и речи быть не может о том, чтобы хныкать на груди друг у друга. Незримо присутствующая мама запрещает разнюниваться, призывает к сдержанности. Мы с Флоранс не раз уединялись в соседней комнате или на балконе, чтобы пролить тайные слезы...

В обычаях и ритуалах — даже административных —

есть хорошая сторона. Подобрать все необходимые бумаги, заполнить бланки, заказать отпевание, назначить день похорон, составить текст сообщения, разослать объявления в газеты, обзвонить родных и друзей... На все эти дела требуется энергия, которую в противном случае мы потратили бы, горюя об усопшем.

Предусмотрительная мама облегчила нам задачу — подписала договор на организацию церемонии с похоронным бюро.

Контора, выстроенная из клееной фанеры и стекла, стояла в глубине парковки и напоминала скорее почту или отделение банка. Чистенькая, новенькая, небольшая, с веселыми пастельно-розовыми стенами и яблочно-зелеными креслами для посетителей, цветовым решением она напоминала ясли или детский сад. Как ни странно, это утешало и ободряло, а вовсе не раздражало и не казалось оскорбительным.

Нас приняла молодая женщина в элегантном черном платье, умело покрашенная, с идеальным маникюром. Прежде чем пригласить нас в кабинет, она легким кивком указала на высоченного парня лет двадцати, тот робко поклонился и был представлен как стажер.

— Вы позволите молодому человеку присутствовать при нашей беседе?

— Мне бы этого не хотелось, — не раздумывая отрезал я.

Флоранс посмотрела на меня, явно недовольная этим «единоличным» решением. Я дернул плечом: «У нас с тобой не стажировка, мы в трауре по маме, такое бывает раз в жизни...»

Дама понимающе кивнула, и мы уединились в кабинете. На полках стеллажей стояли таблички с образцами траурных уведомлений, которые немедленно повергли меня в уныние: глупые выпренные формулировки могли разве что вызвать раздражение у горящего человека. Я тут же разозлился на себя:

перебирая слова и полируя формулировку, маму не вернешь!

Много лет назад она заполнила целый пакет документов, где оговорила все пожелания насчет своих похорон. Занимающаяся нами дама вдруг покачала головой, обнаружив какое-то упущение в договоре.

— Ах, какая досада — ваша мать не упомянула услуги *танатопрактика*.

— Чьи услуги?

— Специалиста, который занимается сохранением тела, готовит его для положения во гроб. Меня это удивляет — судя по всему, ваша матушка была весьма кокетливой дамой. Я добавлю пункт «грим», согласны?

Я тяжело сглотнул. Сестра погладила меня по руке, давая понять, что заранее согласна с моим решением.

— Мама ничего не упустила, мадемуазель. Она терпеть не могла обычай «раскрашивать» покойников. Вы назвали ее кокеткой, но она была еще и феминисткой и не хотела, чтобы ее «выставляли напоказ».

Женщина задумчиво откашлялась и тихо спросила:

— Итак?

— Итак, мы не станем нарушать ее волю.

— Но вы ведь захотите...

— Нет.

— Возможно, ее братья или сестры...

— Никто не пойдет против маминой воли. Она всегда сама обставляла свои появления на публике, пусть и уход будет именно таким, как ей виделось.

Я вспомнил, в какое бешенство приходила наша мать, когда ее пытались подвести к гробу на похоронах кого-нибудь из знакомых. При виде мертвого тела обожаемого мужа она пришла в ужас и накричала на нас с Фло: «Ну что вы застыли?! Не видите, что папы тут нет? Что он ушел? Здесь никого нет, никого, никого!»

Служащая смирилась и предложила перейти к выбору гроба.

Я хотел было крикнуть: «Самый красивый!» — но сдержался. Мама нашла бы меня смешным, Флоранс не откажет себе в удовольствии поиздеваться.

— Ну, не знаю... До сего дня гроб нам выбирать не приходилось, — пробормотал я.

— Наш отец захотел, чтобы его кремировали, — пояснила Фло.

На стол перед нами лег каталог гробов. Простые. Строгие. Роскошные. Претенциозные. Некоторые цены заканчивались на цифру 9, если точнее — на 99, как в супермаркете, чтобы завлечь клиента. «Не хватает только гробов со скидкой».

Мы с сестрой совсем растерялись. Ну не брать же первый попавшийся! На чем остановиться? Какая цена будет разумной?

— Базовая модель, — устало произнесла сестра.

— Буковый, из граба или древесно-стружечной плиты?

— Мама обожала аромат сосновой роши... — Флоранс решила закрыть тему.

— Обивка?

Любое решение выставляло нас дураками: откажемся от «шишечек» — проявим рациональный подход, но будем выглядеть жмотами. Соглашаться на расточительство глупо — вряд ли подушечки обеспечат усопшей дополнительные удобства. Правильного ответа на вопрос не существует...

Смерть доставляет живым одни неудобства, но решать придется: мама больше ничего не чувствует, но разве она превратилась в пустое место? И мы воскликнули хором:

— Да! Делаем обивку!

— Сатин или шелк?

— Шелк!

— Белый, голубой, розовый, цвет шампанского?

— Цвет шампанского!

Следующие две минуты наступившую тишину нарушал